

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

СОН НАД БЕЗДНОЙ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии «Литературного
агентства *Ольги Рубис*»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Сон над бездной : [роман] / Татьяна Степа-
нова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Боль-
шие тайны маленьких городов).

ISBN 978-5-04-190926-0

Опальный олигарх Петр Шагарин, чьей экстрадиции требуют российские власти, внезапно умер в Праге. В смерть Шагарина не поверила только его жена. Она оказалась права: на глазах Вадима Кравченко и Сергея Мещерского, приехавших в Прагу, чтобы помочь с похоронами, Шагарин воскресает. Недельный летаргический сон не прошел бесследно для этого энергичного человека. Для полной реабилитации его отправляют в Нивецкий замок, что расположен в Карпатской глуши. Мрачная слава замка подтверждается: падает в пропасть бывшая любовница Шагарина, гибнет в аварии сын его друзей. Это убийства — убеждены Кравченко и Мещерский. Ведь Вадиму — мужу Кати Петровской, сотрудницы УВД, и его другу Сергею не раз приходилось оказывать помощь в расследовании преступлений. Словно в доказательство их версии в коридорах замка начинает мелькать зловещий призрачный Потрошителя птиц, как называют этого упыря в здешних краях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190926-0

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней.
Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало:
Это я помню — неясно.
Это — отрывок случайный,
Это из жизни другой мне
Жалобный ветер напел...

А. Блок

Глава 1

СЫН

В компьютерных играх, как и во всяких прочих играх, все зависит от везения и удачи. А еще от того, кто, например, вы по гороскопу — Стрелец, Телец или Скорпион. И ум тут совсем ни при чем, и сообразительность, и быстрота реакции, которой нет и никогда не было у вас... у тебя...

Перейти на новый уровень так и не удалось. Как и в прошлый раз. Как и в позапрошлый. Как и вчера, как и в среду, как и в воскресенье, как и месяц назад. Нет, месяц назад он только приехал из Женевы — занятия в немецком колледже еще не закончились, но отец позвонил, а потом прислал за ним.

В доме — этот дом он, впрочем, так и не научился считать своим — пахло переменами. А еще тревогой и скандалами. Но его это мало трогало. Его звали Илья. Ему только в мае этого года исполнилось четырнадцать лет. Он родился в Москве, но вот уже почти семь лет вместе с родителями жил за границей. Сначала в Лондоне, потом три месяца в Вашингтоне, потом снова в Лондоне, потом месяц в Иерусалиме, полгода в Афинах, потом снова в Лондоне, потом в

Женева — это уже без родителей. И теперь вот снова с родителями, уже здесь — в Праге.

А Москву он помнил смутно. Когда они уезжали, в Москве было пыльно и грязно. Все, кто окружал в то время его отца, только и говорили о дефолте и его последствиях, о политическом хаосе, об уходе из власти Ельцина, о преемнике, о финансовых потерях, о какой-то «сублимации либеральных ценностей», о катастрофических убытках, сплошных убытках, нескончаемых убытках...

В то время он — «мелкий», еще совсем малявка — не понимал смысла подобных взрослых слов и еще так не увлекался «Готикой» — компьютерной многоуровневой игрой, а скромненько играл в «Монополию». Отец — Петр Петрович Шагарин (там, в Москве, его знали тогда именно под этой настоящей фамилией — а сейчас у него были еще целых две настоящие фамилии по разным паспортам — эстонскому и грузинскому, по которым он нет-нет да и навещался в Грузию под сень святого Джорджа на политические консультации), так вот, отец его считал, что «Монополия» — самая подходящая игра для сына. Игра, что развивает детский ум. Тренирует волю. Воспитывает азарт. Приучает зарабатывать. Набирать очки. Повышать. Укрупнять. Глобализировать. Добиваться успеха.

Как отец считал теперь и что он думал о «Готике» — было непонятно. Вообще сейчас, в этот вот конкретно взятый июньский вечер, родители отсутствовали.словно их и не было никогда с ним в этом мире. В этом городе. В этой Праге.

А «новая игра», очередная битва, закончилась гибелью персонажа, которого он на этот раз себе выбрал. Персонажа звали Вальдор — он не был из породы звездных витязей, не был магом-странником. Он

был просто Вальдор с Запада, решивший попытать счастья в кровавой битве с Чудовищем.

Чудовище обитало в Замке. На заре времен, еще до эры Интернета, оно уже превратило Замок в свое логово. И это было так же верно и непреложно, как и то, что родители — отец Петр Петрович и мать Елена Андреевна — сейчас отсутствовали. Их вообще никогда не было рядом, когда ему было плохо.

Чудовище бросилось из темноты — стремительно и свирепо. Вальдор — нет, он Илья Шагарин, настолько в тот миг он сознавал себя там, за стеклом монитора, под сводами замка, — не успел отпрянуть, не успел увернуться. Чудовище опрокинуло его навзничь и перекусило шею. Крак... он слышал, как хрустнули позвонки. До шеи хотелось дотронуться, но он боялся... так боялся, что ладонь его... нет, ладонь Вальдора... окажется липкой, красной...

— Entschuldigen, frau, darf ich Sie mal storen?¹ — громкий, безукоризненно вежливый, с нотками металла голос дворецкого за дверью в коридоре. Наверное, снова застукал горничную за праздной болтовней по мобильному. Когда отец подыскивал дом здесь, в Праге, он обратился в австрийское агентство, и они предложили эту вот виллу в парке на холме Петршин, откуда открывается такой чудесный вид на город. Отцу и матери вилла понравилась, и они арендовали ее. Агентство прислало своего дворецкого-управляющего, говорившего из принципа исключительно по-немецки. А горничные все были чешки. И между ними и дворецким велась скрытая война, к которой время от времени присоединялись и повара, и стюарды, и охранники, и даже личный шофер отца. Русские арендаторы виллы, хозяйева, работодатели, даже отец, в этой войне в расчет не принимались.

¹ Извините, могу я отвлечь вас на минуту? (нем.)

Впрочем, как успел давно уже заметить Илья (в свои четырнадцать он отличался сообразительностью), русские вообще в расчет не принимались особо нигде — ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, ни в Женеве. Можно было заплатить сколько угодно денег — все равно «расчет» был бы точно таким же. И это следовало принимать в «старушке Европе» как данность.

Как данность следовало принять и то, что там, в мониторе компьютера, на холодных каменных плитах валялось тело растерзанного Чудовищем Вальдора. В Замке воцарился ужас. Хаос. Чудовище, расправившись с тем, кто бросил ему отчаянный вызов, снова бросилось по следу Принцессы.

Кстати, о Принцессе...

Илья Шагарин резко отодвинул стул и встал из-за компьютера. Спина затекла. И ногу он, кажется, отсидел капитально. В свои четырнадцать он был крупным парнем, склонным к полноте. Квадратная фигура, налитая жиром. Отец нанимал ему личного тренера для занятий спортом, но из этого особо ничего не вышло. Кроме езды на велосипеде. И даже еще круче — горном велосипеде. Он не любил смотреть на себя в зеркало даже в ванной — толстяк, шатен, лицо самое обыкновенное, мальчишеское, усеянное веснушками, как сорочье яйцо.

Разве на таких смотрят принцессы?

По Интернету он скачивал порнофайлы и собирал коллекцию. Но с девчонками пока у него еще ничего и никогда не было. Совсем. Ни с кем.

На Вацлавской площади вечером здесь, в Праге, раз плюнуть было снять шляху. Он собирался пару раз. Но дико робел. Для таких штук в четырнадцать лет нужен старший товарищ — отвязный, без комплексов. Или же группа товарищей — надувшихся пива, гого-

чущих пацанов. Но здесь, в Праге, он был один. Кроме отца и матери, у него тут не было никого.

Кстати, о Принцессе...

На столе рядом с клавиатурой лежала тарелка с сэндвичами. Их осталось два, три он уже успел съесть. Может, Чудовище и убило там, в Замке, Вальдора потому, что он здесь жевал сэндвич с телятиной, густо сдобренный баварской горчицей и оливковым майонезом, — жевал и не успел увернуться, отпрыгнуть за каменный выступ, захлопнуть за собой чугунную решетку, запереть засов...

Чудовище растерзало его. И ринулось по следу Принцессы. Скоро и она умрет там, в Замке. И он ничего не предпримет, потому что ему не везет в игре, потому что по гороскопу он Водолей, а Водолеи игроки никудышные, и, как бы ни старались, как бы ни лезли из кожи вон, перейти на следующий уровень в «Готике» им не дано.

Наверное, Замок чем-то похож на Пражский град, так четко, так ясно видный из окна. Или нет... Замок-логово должен быть другим.

Внизу, в Страговском монастыре, колокол звонил к вечерне. Звуки долетали сюда, на склоны холма Петршин, смешиваясь с городским шумом, грохотом трамваев. Но все, кроме колокола, звучало как-то приглушенно — королевские сады смягчали уличную какофонию шелестом листвы, пением птиц.

Из окна комнаты, в которой он, Илья, жил вот уже почти месяц, ежедневно играя в «Готику», видны были только королевские сады — море свежей июньской листвы, зеленое, как сейчас, вечернее небо, громада Пражского града вдали и совсем-совсем вдали, словно игрушечная готическая страна, — мосты, крыши, шпили костелов, каминные трубы.

На зеленом вечернем небе всходила зеленая луна.

Колокол Страговского монастыря умолк. Теперь слышны были только звуки саксофона — где-нибудь на площади в летнем кафе играл джаз. Обрывки какой-то мелодии...

Илья подошел к окну. Облокотился о подоконник. Кстати, о принцессе... Возможно, вот сейчас там, в Замке, Чудовище перегрызает ей горло. А здесь... Он глянул на монитор — здесь можно послать ей письмо по электронной почте: «Маша, привет, как дела? Это Илья». Кстати, о принцессе... Принцесса играет на скрипке. У нее веснушки, как и у него. Густые длинные волосы. А таких глаз, как у нее, нет ни у одной девчонки. И улыбки такой нет ни у кого. И ресниц... Ее отец никакой не король, а служащий отца, его ведущий юрист-консультант, адвокат по всем вопросам.

Звуки саксофона...

Погасший монитор...

Сэндвич с телятиной, который так хочется съесть...

Боль в шее, в которую вонзались его клыки...

Родителей нет, они уехали и теперь наверняка будут тусоваться до самого вечера. Ужинать во французском ресторане у Карлова моста, встречаться со знакомыми, обсуждать какие-то свои дела, проблемы. А он, как всегда, будет один. Возможно, попозже, когда совсем стемнеет, он начнет «новую игру» или же нет, попытается представить себе Замок. Ведь он непременно туда попадет когда-нибудь, и это уже не будет «виртуалом», игрой.

Илья закрыл глаза и представил. И увидел: зеленые, поросшие лесом холмы... нет, горы. Не слишком высокие — явно не Альпы, но и не низкие. Зеленое вечернее небо, зеленая луна. Что-то темное, стремительно летящее на ее фоне — ласточка? Нет, ласточки спят в такой час. Скорее всего летучая мышь. Нетопырь. Дорога, уводящая в еловую чащу. Тень ни-

щеты и запущенности во всем — в этом буреломе, в ржавом покосившемся указателе на дороге, в расстрескавшемся, изрытом выбоинами асфальте.

Где это место? Он ведь никогда там не был. И в компьютерной «Готике» совсем другие пейзажи — дороги, поля, холмы. Он стоял на какой-то возвышенности и видел перед собой эти незнакомые горы. Силился увидеть Замок — его стены, его башни, рвы, шпили. Сумерки ползли из-за гор. Темнело. Прозрачно-зеленый фон превращался в болотно-бурый.

Внезапно он всей кожей, всем своим существом почувствовал... по спине пробежал холодок, на лбу выступила испарина. Сердце прыгнуло в груди. Он был не один. Чудовище было здесь, рядом. Оно покинуло Замок, выйдя на ночную охоту. Оно шло по его следу и настигло его, как Вальдора. Еще секунда, и его клыки...

— Prosim, vezmu si to?¹

Илья резко обернулся. На пороге его комнаты стояла горничная — в синем форменном платье, она указывала на тарелку с остывшими сэндвичами. Он торопливо кивнул. Горничная была молодая, загоревшая в солярии блондинка. Звали ее Гражина. Он тысячу раз представлял ее себе голой без этого стремного синенького платьица, без бикини — в одних туфлях на каблуках. Нет, она совсем не была похожа на... Нет, на фиг, к черту, совсем не похожа! Но все равно он дико комплексовал и стеснялся.

Горничная приветливо улыбнулась и забрала тарелку. Илья сглотнул — после пережитого приступа страха мучительно и остро хотелось есть.

¹Простите, я заберу это? (чешск.)

— Петя, ну как? Тебе нравится? — Елена Андреевна Шагарина повернулась к своему мужу Петру Петровичу, демонстрируя серьги и кольцо.

Они заехали в ювелирный магазин Шписа, что вот уже более двухсот лет занимал первый этаж особняка на углу Червеной улицы в двух шагах от Высокой синагоги пражского еврейского квартала. Этот ювелирный магазин чрезвычайно нравился Елене Андреевне атмосферой, что царила в нем, — солидность, надежность, благородство и приветливость. Здесь широко был представлен ювелирный антиквариат и произведения современных ювелиров со всей Европы. С тех пор как они приехали в Прагу, Елена Андреевна побывала вместе с мужем здесь уже несколько раз. На Рождество муж подарил ей чудный браслет в стиле «арт нуво» по эскизу Альфонса Мухи. А теперь они приехали, чтобы купить бриллиантовое кольцо и серьги.

Елена Андреевна смотрела на мужа, сидевшего в кожаном кресле. Магазин Шписа внутри напоминал одновременно и старую аптеку, обшитую дубом, и драгоценную шкатулку. Здесь все сохраняли точно в таком же виде, как и двести лет назад. Принимали их двое ювелиров-управляющих, пожилой и молодой. Пожилой неплохо изъяснялся по-русски.

Петр Петрович устало улыбнулся жене. Выглядел он в этот вечер как-то неважно. Вот уже несколько дней подряд у него побаливало горло. Врач сказал — ничего страшного, обычный тонзиллит, надо воздерживаться от холодного и пить горячее. Обильно и часто. Но лишняя жидкость в организме ведь тоже вредна. Особенно в таком возрасте. Что же, пятьде-

сят семь — возраст для мужчины особый. Елена Андреевна смотрела на мужа с нежностью. Наверное, ей очень повезло в жизни с ним. Да, повезло, и это несмотря на их нынешнее фактическое изгнание, на всю эту высасывающую силы нервотрепку. Они прожили в браке шестнадцать лет. У них замечательный сын Илья, которого ждет блестящее будущее. Они еще не стары — особенно она, ведь она моложе мужа почти на двенадцать лет. И потом, наконец, они богаты. Богаты так, что могут позволить себе многое, если не все.

— Лена, тебе очень идет это, — хрипло сказал Петр Петрович. — Но давай все же посмотрим и другой вариант.

Молодой ювелир по знаку своего пожилого компаньона, прекрасно понявшего желание клиента «посмотреть еще», приблизился к Елене Андреевне и помог справиться с застежкой кольца. Серьги она сняла сама. Пожилой ювелир, вежливо поклонившись, подал ей сафьяновый футляр с другим гарнитуром — тоже кольцо и серьги. Бриллианты и бериллы. И кстати, почти на тридцать тысяч евро дороже.

Елена Андреевна надела серьги. Взгляд ее скользнул в зеркале по своему отражению. Что же, для зрелой сорокапятилетней женщины, матери четырнадцатилетнего сына, перенесшей две полостные операции, совсем неплохо. Рыжие волосы, зеленые глаза, этот оливковый нежный загар. Она была высокой, рослой, и это спасло ее от полноты, сохранило фигуру, стать. Когда ваш женский рост приближается к ста восьмидесяти сантиметрам, то... В Швеции, где они отчаянно проскучали с мужем прошлую зиму, и в Англии, где они жили так спокойно и откуда им велено было убраться в двадцать четыре часа после того знаменитого скандала на пресс-конференции, это, возможно, и не имело бы такого значе-

ния. Но в России, где средний женский рост не превышает ста шестидесяти шести сантиметров, сто восемьдесят могли весьма удачно решить вашу судьбу.

В конце восьмидесятых Елена Андреевна работала в Доме моделей на Кузнецком Мосту. Тогда все уже разваливалось, как карточный домик, — надежды, карьера, быт. Она хотела уехать в Париж насовсем, попытать счастья там, может быть, выйти замуж за француза. Но вместо француза ей встретился Петр Петрович Шагарин. Нет, внешностью он уже тогда, будучи молодым, похвастаться не мог — среднего роста, лысый, в очках (сейчас он носил линзы). Он был весь такой смуглый, угольный, точно сожженный южным солнцем, а между тем родом был из Риги, жил и работал в Москве, был ведущим инженером в КБ станкостроительного завода. Но, помимо своего инженерства, уже тогда, в начале перестройки, занимался еще тысячью дел — покупал и перепродавал машины, дачи в ближнем Подмоскovie, устраивал концерты популярных эстрадных певцов и писателей-юмористов. Имел массу знакомых на Мосфильме, Ленфильме и Одесской киностудии и тоже что-то там постоянно организовывал, устраивал, утрясал, договаривался, посредничал. Проявлял интерес к Дому моделей и работам Вячеслава Зайцева. Часто летал в Магадан и Бодайбо. Бывал во Владивостоке и Петропавловске-Камчатском.

«Господи, боже мой, — подумала Елена Андреевна. — Неужели та жизнь действительно была на самом деле? И та комната в коммуналке на Сивцевом Вражке (сойдись с ней, Петр Петрович ушел от своей первой жены, оставив ей все нажитое — кооперативную квартиру, дачу, машину) тоже была?»

Они жили там какое-то время, а потом Петр Петрович взял и приобрел комфортабельную дачу в окрестностях Внукова. Это был девяносто второй год.

Все разваливалось на куски. Дача во Внукове принадлежала семье дипломата, работавшего в ООН. Он не пожелал возвращаться и дачу спешно продал — Петр Петрович заплатил дипломату валютой, она у него была в достаточном количестве уже тогда. Все панически боялись инфляции и за доллары готовы были продать даже фамильное гнездо.

Это был их первый собственный дом *там*. Эта жалкая дипдача с водопроводом и скрипучей лестницей казалась ей почти дворцом. В девяносто шестом они продали ее — участок в несколько гектаров оказался золотым капиталовложением, а вот дом просто пошел под бульдозер на слом, и купили участок на Рублевском шоссе. Их тамошний дом был уже совершенно иным. Но его пришлось оставить, как и все остальное, уезжая за границу в фактическую эмиграцию.

— Это мне тоже нравится на тебе. Но... — голос Петра Петровича совсем охрип. Он помассировал горло ладонью. На нем была синяя рубашка с расстегнутым воротом и замшевая желтая куртка. Все от «Армани», но вот странно — на нем даже «Армани» не слишком бросался в глаза.

— Ты что, неважно себя чувствуешь? — спросила Елена Андреевна.

— Нет, все нормально.

Она посмотрела на мужа — ей показалось, что... Нет, нет, ей показалось, чего не бывает — легкая простуда, обострение хронического тонзиллита, немного распухшие гланды.

— Может быть, поедем домой? Илюша обрадуется, — сказала она.

— А как же столик в ресторане? — он снова смотрел на жену с усталой улыбкой.

— Наш сын редко видит нас, Петя.

— Скоро он будет видеть нас еще реже. А потом мы станем ему вообще не нужны.

— Мы будем нужны ему всегда. Как и друг другу. — Елена Андреевна в драгоценном бриллиантовом колье быстро подошла к мужу и положила ему ладонь на лоб.

— Нет у меня температуры, — он вздохнул и закрыл глаза. — Рука у тебя прохладная. Так жарко, а ты прохладная.

— Давай ничего не будем покупать здесь сегодня, — сказала Елена Андреевна.

— Тебе совсем ничего не понравилось?

— Нет, мне как раз понравилось все, но...

— Тогда что-то мы должны купить сейчас!

— Почему сейчас? — она услышала в голосе мужа так хорошо знакомое ей тревожное нетерпение.

— Потому что... вдруг потом больше не будет подходящего времени, Лена.

— Не будет подходящего времени? — она искренне удивилась. — Почему?

— Ну, так просто. — Он поднялся с кожаного кресла.

— Послушай... ты все же... ты хорошо себя чувствуешь?

— Я чувствую себя прекрасно. — Петр Петрович энергичным жестом подозвал к себе пожилого ювелира.

Елена Андреевна поняла, что он намерен купить ей бриллиантовый гарнитур.

— Мне больше понравился первый вариант, — сказала она покорно (вопросы сделок были всегда его прерогативой).

Молодой ювелир снял с нее кольцо с бериллами и осторожно надел другое.

Елена Андреевна подошла к зеркалу. Петр Петрович разговаривал с пожилым ювелиром.

Похожее кольцо было на ней тогда, в девяносто пятом, когда их с Петром Петровичем впервые пригласили на прием в Кремль. Это был специальный прием для тогдашней элиты бизнеса. Как неуютно они себя там чувствовали, на этом приеме. А потом был еще прием и еще, потом был даже бал. И как-то незаметно все вошло в норму, стало даже привычно. Господи, даже скучно!

А потом произошло это проклятое убийство председателя банка «Росинтеграция». И Петру Петровичу позвонили, предупредили, что за ним могут приехать из прокуратуры и ФСБ, что вопрос о его задержании решается на Лубянке. И он среди ночи — да, а что было делать? — поехал в Кремль. И его туда пропустили. Все газеты потом ехидно писали, что он скрывался от возможного ареста в кремлевской приемной, коротая ночь на диване. Но это было ложью. Тогда в Кремле ни на каком диване он не спал, сидел в одном просторном кабинете с видом на Царь-пушку из окна и вел разговор за чашкой кофе с одним умным человеком.

В принципе уезжать, эмигрировать из страны им следовало уже тогда. Ночной звонок, предупреждение о возможном аресте — это был сигнал, которому они не вняли. Но как Петр Петрович мог внять этому сигналу? К тому времени он обладал уже немалым, солидным капиталом. И бизнес — тогдашний российский бизнес середины девяностых — не то чтобы разочаровал его... нет, он стал ему тесен. Елена Андреевна знала своего мужа как никто другой — нет, нет, он никогда не был бездушной машиной для наживания миллионов, а потом и миллиардов. Бизнес был лишь одним, самым выгодным приложением его природного таланта и кипучего, деятельного, во многом саморазрушающего, самопожиряющего темперамента. Во главе же угла всегда стояли идеи.

Масса идей. Самых разных, порой даже взаимоисключающих друг друга. У крупных и по-настоящему талантливых бизнесменов вообще всегда во главе угла — идея, мечта, пусть и самая бредовая, как, например, футбол во всех его разновидностях и ипостасях. Или же «нефтяное государство в государстве», «корпоративная солидарность», «бизнесхартия», «Священный союз», «Общеввропейская конституция», или же «перманентная демократизация тоталитарных режимов», как у старика Сороса, или же...

Либеральная идея — вот что всегда было во главе угла для Петра Петровича Шагарина. Либеральная идея... «Иде я нахожусь?!»... Господи, как же он — такой всегда сдержанный, вежливый, вкрадчивый — раздражался и бесился, когда при нем упоминали этот стариннейший, с бородой анекдот времен Леонида Ильича! «Иде я нахожусь...», идея либеральная...

А ведь ему многие сведущие люди говорили, что на текущий момент это еще больший бред и морок, чем футбол и «демократизация тоталитарных режимов». Но он ухватился за эту идею. Прилип, точно к смоле! И начал создавать, сколачивать собственный партийный блок.

Елена Андреевна с содроганием вспоминала эту партийную эпопею. Пора было срочно выводить капитал за рубеж. А он — ее муж — маниакально занимался партийным строительством. Сколько денег они потеряли на этом? Конечно же, он все сосчитал до последнего рубля, до доллара — деньги свои и чужие он считать умел. Но ИДЕЯ — это прожорливый Молох... Она существовала вне этих его катастрофических финансовых потерь, вне денег, вне его самого. Неужели он и правда всерьез мечтал, что на гребне этой идеи он когда-нибудь станет президентом? Вряд ли. Все же он был — во всем, кроме этого, —

жесткий прагматик и реалист. Но что может поделаться прагматизм с человеческой натурой?

«Как ты не понимаешь, Лена, это ведь так просто. Либеральные ценности, заложенные в менталитет нации, — это ведь... это не что иное, как существующий вот уже двести лет на одном и том же месте, в одном и том же доме ювелирный магазин на Червеной улице», — горячился Петр Петрович, когда она начинала спорить с ним. И напрасно было спрашивать о том, торговали ли бриллиантами в том магазине во время войны, когда по узким улочкам еврейского гетто громыхали грузовики СС, и потом, во времена Варшавского пакта, и той самой пражской весной с ее цветущими каштанами и танками? «Ах, Лена, ты должна со мной согласиться, ты должна принять мою точку зрения, это так для меня важно», — говорил он. И она принимала и соглашалась. Она чувствовала его безмерное одиночество. Вокруг было столько людей — одной обслуги со счета сбиться, а они всегда чувствовали себя словно в вакууме. Странно, этот всепоглощающий вакуум точно ядовитое облако начал обволакивать собой и их сына. И это тревожило Елену Андреевну больше всего.

Имелось и еще одно тревожащее обстоятельство. И оно стоило Елене Андреевне немало душевных сил и нервов. Но оно уже, к счастью, было в прошлом. Да, без всяких сомнений в прошлом. Ведь он — ее муж — сам ей сказал об этом.

Бриллиантовый гарнитур упаковали в футляр. Петр Петрович пожелал забрать покупку с собой. Он выписал чек. В это время в ювелирный магазин заглянул Анджей Хогель, водитель-охранник. В Праге, как, впрочем, и в Лондоне, многочисленная охрана использовалась Петром Петровичем лишь во время каких-то светских или политических мероприятий. Конечно, за свою личную безопасность следовало

опасаться всегда, но... В Европе, да и в Америке, как известно, за глаза потешаются над всеми «новыми русскими», приезжающими с пышной многолюдной свитой. Это все признаки варварства, азиатчины, ущербности менталитета. А здесь так вести себя не принято, это дурной тон. Здесь сам Билл Гейтс ходит в клетчатой ковбойке и кроссовках, норвежские нефтяные магнаты ездят на велосипедах, создатель мировой империи моды, как простой обыватель, каждое утро прогуливается «на уголок» к соседнему с его особняком кафе и покупает грошовые комиксы и газеты.

Водитель-охранник протянул Петру Петровичу спутниковый телефон. Елена Андреевна сразу поняла, что мужу звонит Павел Шерлинг — его юрист и поверенный в делах.

— Вечер добрый, Петр Петрович, как самочувствие?

— Отличное, спасибо. Какие-то новости? — Петр Петрович сделал вежливый жест пожилому ювелиру — одну минуту, извините.

— Из Москвы в пражскую прокуратуру послан очередной запрос.

— О чем?

— Снова о вашей экстрадиции. — Шерлинг на том конце кашлянул. — Опять эта возня.

— Ну, здесь, в Праге, волноваться не о чем, — сказал Петр Петрович.

Елена Андреевна посмотрела на него — бодрится. Вот так же он бодрился и в Лондоне. Там дошло до того, что встал вопрос о политическом убежище по политическим мотивам. Генеральная прокуратура бомбардировала Лондон запросами об экстрадиции — в России против Шагарина были возбуждены уголовные дела по обвинению его в финансовых махинациях, незаконном предпринимательстве и отмыва-

нии капитала. В результате вопрос о политическом убежище отпал сам собой. Но он убеждал себя и ее — «Англия никого не выдает, мы здесь в полной безопасности». Запрос об экстрадиции был рассмотрен в лондонском суде и оставлен без удовлетворения. «Вот видишь, Лена, Англия никогда никого не выдает! Это принцип, вековая традиция, имеющая силу закона. Это и есть либеральная идея в действии», — повторял Петр Петрович. Она видела не только это, но еще и то, что он теряет самоконтроль и впадает в эйфорию. И снова бредит этой своей «либеральной идеей», партийным строительством — подспудно из-за рубежа, с берегов туманного Альбиона. Та скандальная пресс-конференция в Сити... Ах, не надо было ее проводить. И на вопросы журналистов не надо было отвечать так резко, так агрессивно. Надо было понимать, что в предвыборный год на берегах Москвы-реки все эпатажные обличительные филиппики с берегов туманного Альбиона трактуются совершенно в особом ключе.

По поводу той пресс-конференции уже в английский МИД поступил запрос. Англия, конечно, не выдавала никого и никогда, но... Петра Петровича внезапно вызвали в Скотленд-Ярд и допросили. Оказывается, во исполнение запроса коллег из Москвы. Затем свой визит в их особняк на набережной Темзы нанес коронер. А потом... потом были долгие консультации. В Лондон спешно прилетел адвокат Павел Шерлинг и... ничего не добился. Им всем было настоятельно рекомендовано покинуть пределы страны. Нет, Англия, родина Шекспира, Шелли и столь любимого ими обоими Тома Стоппарда, не выдала их. Она просто вышвырнула их пинком под зад в Восточный сектор, в эту самую Прагу.

Елене Андреевне так хотелось объяснить мужу — мягко, чисто по-женски: вот видишь, дорогой, и это

тоже твоя либеральная идея в действии. Но она жалела его. Она чувствовала — ему нанесен жестокий удар. И просто грешно ей, его жене, прожившей с ним в браке шестнадцать лет, добивать его этим. Хотя... Были, были в их такой счастливой супружеской жизни моменты, когда ей хотелось ударить его — ударить как можно сильнее, чтобы он понял, осознал... Об этих моментах Елена Андреевна вспоминать не любила. Ведь он сам сказал ей, что с прошлым — с *тем* прошлым — покончено. Он поклялся ей. И здесь, в Праге, ей не в чем было упрекнуть его как мужа. Он проводил много времени с ней. Исполнял все ее капризы. Покупал драгоценности. Вот сейчас, после магазина Шписа, они должны были поехать в тот французский ресторан у Карлова моста и ужинать — вполне счастливая, очень богатая зрелая супружеская пара, пусть и гонимая, находящаяся под дамокловым мечом экстрадиции по запросам российской генпрокуратуры, но все равно живущая полной жизнью. Что-то в духе старого голливудского кино с Кетрин Хепберн и Спенсером Трейси. Но старое голливудское кино Петр Петрович терпеть не мог.

— Как Лида поживает? — спросил он Павла Шерлинга по телефону после небольшой паузы. — Загорела? Это хорошо... Привет передает? Лена, Лида передает привет, слышишь? — Петр Петрович глянул на жену. — Ей тоже привет от моей Лены. А как у Маши дела?

Лида, точнее, Лидия Антоновна, была женой Павла Шерлинга. Маша — их восемнадцатилетней дочерью. Самому Шерлингу только-только исполнилось сорок — он выглядел значительно моложе и часто со смехом и тайной гордостью говорил, что его порой принимают не за отца, а за бойфренда «столь юного создания». Странный пунктик для самолюбования,